

Кабинетный ученый

Издатель и редактор журнала «Русский архив»
Петр Иванович Бартенев (1829 — 1912)

Михаил ВОСТРЫШЕВ

В XIX веке в России любили историческую науку. Одних исторических журналов можно было насчитать несколько десятков. В Москве особенно славились «Чтения в Обществе истории и древностей российских» и «Русский архив». И если первый из них был скучноват, то в «Русском архиве» печаталось множество хоть и научных, но одновременно и увлекательных материалов о русском прошлом. Особенно о московской старине. Положил начало журналу в 1863 году и в течение полувека возглавлял его историк, археограф, библиограф, один из основоположников пушкиноведения П. И. Бартенев. «Несомненная его заслуга заключалась в том, - писал В. М. Голицын, - что он первый смело предпринял издание ист[орического] материала, до него хранимого под спудом».

Труды у П. И. Бартенева немало, и любознательный читатель может познакомиться с ними в тиши читальных залов центральных библиотек Москвы. От его работ (среди них выделяются материалы к биографии А. С. Пушкина) веет истинной исторической наукой. Кажется, что их автор - угрюмый аскет, весь свой век не вылезавший из библиотечной пыли. Отчасти это верно. Но...

Поэты, может быть, даже больше прозаики, любят изображать бытовую жизнь; изображать каждодневные будни, которые являются спутником жизни каждого человека, будь он гением или заурядной личностью. Валерий Брюсов подметил в Бартеневе то, что доказывает, что он был человеком не от мира сего; книжным червем, потонувшим в море каталогов и справочников:

«Мирные обыватели видят сладкие сны в своих дуспальных постелях, рабочие торопливо поднимаются на ожесточенный звук фабричного гудка, ночные гуляки нетвердой походкой возвращаются домой. А старый трудолюбец, надев очки, клоня при свете керосиновой лампы лысую голову, бодрствуя за всех, вникает в чьи-то старые письма или в какие-то мемуары прошлого века и на полях корректуры немного дрожащим, но еще твердым почерком приписывает свои маленькие примечания, те лукавые строки, помеченные «Б.П.», в которых часто в форме едва уловимого намека скрываются целые откровения для истории нашей страны... Готовится новая книжка «Русского архива», новый венчик в том несокрушимом здании, которое медленно, неустанно, неуклонно воздвигал Петр Бартенев и которое понемногу переросло все эфемерные журналы нашего века и, словно какая-то Эй-

фелева башня, высоко подняло свою голову «над гребнями никлых зданий».

Да, Бартенев весь был в прошлом. Он и сны-то видел исторические. Однажды, как он рассказывал, его посетила Екатерина II. Императрица подошла к нему и, грозя венценосным пальчиком, спросила: «И откуда ты это мог узнать?». «Как же, матушка императрица, - ответил Бартенев, - сами изволили об этом записочку оставить. Или забыли?»

«Смерть подкралась к нему в то время, - вспоминает внук, - как он просил перенести себя с постели к письменному столу».

Кажется, ясно - аскет, труд и труд, и больше ничего! Для других сделал много, а для себя - ничего! Прожил жизнь скучного кабинетного сухоря, изо дня в день комментируя и объясняя чужие тексты. То ли дело жизнь актера - поклонницы, аплодисменты. Или полководца - сражения, награды. Или дипломата - путешествия по Европе, беседы с коронованными особами.

Но популярные артисты, полководцы, дипломаты, если не были дураками, скучали от однообразия своей жизни. То ли дело кабинетный ученый Бартенев - у него всегда разнообразие. Он познакомился и записал воспоминания двадцати четырех людей, хорошо знавших А. С. Пушкина. Он бывал и в Берлине, и в Лон-

доне, и в Париже, но не с целью скучного занятия очумевшего от безделья туриста - попробовать местную кухню, а чтобы работать, познавать каждую минуту новое в музеях и библиотеках. Он, в отличие от своих собратьев по дворянскому сословию, не просиживал штаны в однотонной болтовне Английского клуба или Дворянского собрания, а каждый день познавал что-то доселе неизвестное никому.

Бартенев, несмотря на то, что был старинного дворянского рода, мало кого знал из графов и князей, подвизавшихся на поприще однообразной придворной жизни. Но он был дружен и помогал историческими справками при сочинении романа «Война и мир» графу Льву Николаевичу Толстому.

Бартенев не замыкался в московской квартире, он любил ездить отдохнуть на море, но и здесь не лежал до одури под лучами солнца, а переменял праздный образ жизни с работой за письменным столом.

С кем только не довелось встречаться Бартеневу за свою долгую жизнь!... Среди них Гоголь, Жуковский, Ермолов, Чаадаев, митрополит Филарет, Тургенев, Достоевский, Тютчев, Фет, Хомяков, Аксаковы, Киреевские...

Внучка Бартенева Ира как-то пригласила в дом родителей своих

друзей и, показывая на множество развешенных по стенам старинных портретов государственных деятелей XVIII века, похвалилась:

- Это всё знакомые дедушки!

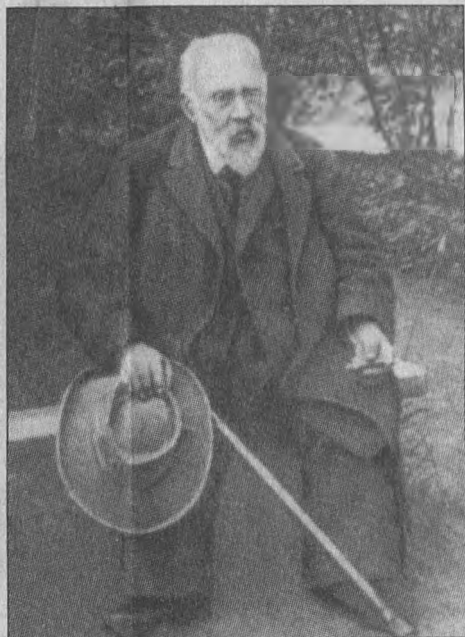
- Как же так? - возразил Коля Станкевич, сын библиотекаря Исторического музея. - Они же в париках и камзолах - значит, жили очень давно.

- Ну и что? Дедушка их хорошо знает, как своих близких знакомых.

Бартенев хоть никогда не мог видеть живых А. С. Пушкина, Г. Р. Державина, императрицу Екатерину II, но он дружил с ними и постарался, чтобы с ними познакомились и подружись его потомки - русские люди XX и XXI столетий.

Халат, очки, под мышкою
костыль,
Остывший чай,
потухшая сигара.
А разговор живого полон жара,
Свежает с прошлого
столетий пыль.

От детства возлюбю
радную былъ,
Чуждался ты житейского
базара

И в наши дни безумства
и угара
Хранил московский быт
и русский стиль.

В стране теней и ты теперь
далече,
Но помнятся мне старческие
речи,
Лукавый взор и благодущный
смех.

Твой памятник - путь «Русского
архива»,

Где наши внуки будут
терпеливо
Бродить среди столбов
твоих и веж.

Этими стихами откликнулся на смерть П. И. Бартенева поэт Борис Садовской. Он увидел в старце отрешенного от мирской суеты летописца; отрешенного от суеты, но не от счастья земной жизни.

Моск. Правда - 1931 - 31 янв.